

Г. А. ЗАИЧЕНКО

Логический атомизм и метод анализа Бертрانا Рассела

В истории британской философии XX в. исключительное место занимают научные и философские взгляды Б. Рассела. В некотором смысле они являются итогом той эволюции, которой подверглись взаимосвязи между философией и наукой в буржуазной идеологии на протяжении более чем полувекового периода. Но нас в многообразной научной и философской деятельности Рассела будут интересовать в основном те ее стороны, которые проливают свет на непосредственную «предысторию» лингвистического позитивизма. А в связи с этим главное внимание следует уделить логическому атомизму и методу логического анализа, лежавшим в основе его учения.

Философия логического атомизма была создана Б. Расселом и Л. Витгенштейном. При этом первую роль в ее создании сыграл Л. Витгенштейн, в то время как в разработке метода логического анализа приоритет принадлежит Б. Расселу «Витгенштейновские доктрины, — отмечал Б. Рассел, — оказывали на меня глубокое влияние <...> Воздействие Витгенштейна на меня осуществилось в два приема: первый из них имел место перед первой мировой войной; второй — непосредственно после войны, когда он прислал мне рукопись своего “Трактата”. Его последующие доктрины в том виде, в каком они появились в его “Философских исследованиях”, не оказали на меня никакого влияния»*.

В самых общих чертах философия логического атомизма постулирует не только признание атомарной структуры так называемых фактов действительности, но и соответствующее их структуре строение логически совершенного языка. Рассел и Витгенштейн под атомарными фактами подразумевают не какой-то определенный тип эмпирических фактов, своеобразная природа которых определялась бы

* *Russell B.* My Philosophical Development. New York, 1959. P. 112.

тем или иным видом конкретного научного знания. Для них атомарные факты — логический слепок, форма связи объектов действительности. «Основание того, что я называю мою доктрину логическим атомизмом, — писал Рассел, — состоит в том, что атомы, которые я желаю постигнуть в качестве своего рода последнего остатка в анализе, являются логическими атомами, а не физическими атомами»*.

Своеобразие логико-атомистического решения проблемы о характере связи между действительностью и знанием состоит в том, что в его основе лежит определенная логико-языковая концепция строения человеческого знания. И хотя в рамках логического атомизма она носит характер общей, теоретико-познавательной концепции, ее корни и происхождение следует искать в той доктрине логического анализа математического знания или языка математики, которая была развита Расселом в его «Принципах математики» (1903) и «Principia Mathematica», написанной совместно с Уайтхедом (1910–1913). В связи с этим встает методологически важный вопрос о соотношении между конкретным научным логическим методом анализа научного знания и собственно философскими гносеологическими и онтологическими концепциями** <...>

Метод логического анализа был разработан в связи с решением проблем обоснования математики. В лекциях о логическом атомизме, проводя аналогию между логически совершенным языком в философской системе логического атомизма и языком, который был создан при написании «Principia Mathematica», Рассел отмечал: «Язык такого рода был бы полностью *аналитическим* <...> Язык, который изложен в “Principia Mathematica”, предназначен быть языком такого рода»*** (курсив мой. — Г. З.).

Нас в данном случае интересует связь между методом логического анализа и аналитическим характером языка. На необходимый характер этой связи указывает сам Рассел. Ее можно установить, рассмотрев некоторые проблемы, которые решал Рассел в «Principia Mathematica» Наиболее существенным здесь является, во-первых, решение проблемы сведения математики к логике — попытка осуществить вслед за Фреге программу логицизма, и, во-вторых, стремление устранить противоречие (антиномию) в основании теории множеств. Главный замысел логицизма состоял в том, чтобы вывести всю арифметику, а также всю чистую математику только лишь из понятий математической логики и ее основных принципов. Но как раз тогда, когда Фреге думал, что ему удалось осуществить

* Russell B. Logic and Knowledge. London, 1956. P. 179.

** Здесь и далее несколько пропущенных мест — отступление. — Прим. науч. ред.

*** Ibid. P. 198.

логицистскую программу в отношении арифметики, Рассел сообщил ему о противоречиях, которые имеются в его системе. Речь идет о парадоксе множества всех множеств, не содержащих себя в качестве своего элемента. Парадоксы, или антиномии, в какой-либо теории характеризуются тем, что в ее рамках оказываются доказуемыми два противоречащих друг другу положения, даже в том случае, если аксиомы этой теории имеют вид истинных, а правила вывода представляются верными.

И хотя программа в принципе оказалась неосуществимой, одна из центральных идей ее — доказательство рациональности математики, строгой дедуктивной выводимости следствий из принятых аксиом — не могла не волновать ученых в начале нашего века, точно так же, как и сейчас. Рассел неоднократно отмечал, что одним из главных побудительных мотивов его занятий по обоснованию математики было стремление убедиться в ее истинности. Поэтому, независимо от пороков программы логицизма, сама по себе попытка реализовать идеи логико-математического обоснования достоверности математического знания выходила за рамки только лишь математического или только логического исследования, а отражала определенную логико-философскую концепцию. Дело в том, что математика всегда была для философов и ученых образцом достоверного и истинного знания, после же обнаружения математических антиномий начал возникать кризис, затрагивающий не только математику, но в некотором смысле и знание вообще <...>

В связи со сказанным логико-гносеологическая установка Рассела на доказательство истинности и достоверности математического знания должна быть учтена при оценке его метода логического анализа математического знания.

Для преодоления парадоксов теории множеств и логики Рассел разработал в «Principia Mathematica» теорию типов. Эта теория наряду с теорией дескрипции была тем фундаментом, на котором создавался аналитический язык «Principia Mathematica». Ситуация, следовательно, выглядела так. Есть реальное положение вещей в понимании основ математики. Оно неудовлетворительно. Применением метода логического анализа к исследованию оснований математического знания создается новый аналитический язык, с помощью которого устраняются противоречия в основаниях математики, т. е. Рассел предложил один из вариантов устранения этих противоречий.

Обосновывая теорию типов, Рассел показал логико-символическое несовершенство и ограниченность обыденного языка как средства фиксации научных абстракций и средства осуществления научного вывода. Смысл теории типов будет достаточно ясен, если обратиться к примеру, когда с ее помощью преодолевается парадокс

Эпименида («все критяне лгут») — его упрощенный вариант «лжец» («я лгу»). Человек заявляет: «я лгу». Получается, что если он лжет, то говорит правду, а если говорит правду, то лжет.

Основная идея теории типов состоит в требовании различения между своеобразными логическими типами символов. Начиная с имен, являющихся символами «индивидов», мы далее различаем символы, обозначающие предикаты, которые можно применять к именам. Затем символы предикатов второго порядка, которые можно применять к предикатам первого порядка, и т. д. Таким образом, получается иерархия символов. Ей соответствует иерархия положений или утверждений. Положения распадаются на различные типы в соответствии с тем, являются ли они положениями об «индивидах» («Зенон смертен»), или положениями о классах «индивидов» («Все люди смертны»), или положениями о классах классов «индивидов» и т. д. Истинность положения «Все люди смертны», согласно Расселу, ни в коем случае не стоит в соответствии с каким-либо индивидуальным фактом типа «Зенон смертен», «Сократ смертен». Тем самым в теории типов утверждается, что значение «истины» применимо лишь в рамках определенного типа положений. Каждый тип положений имеет свой собственный вид истины. Следовательно, значение «истины» «Зенон смертен» не является тем же самым, что и значение «истины» «Все люди смертны».

Поэтому если заменить положение «Я лжец» на «Все положения, которые я утверждаю, являются ложными», то, в соответствии с теорией типов, парадокс устраняется. Для этого необходимо провести различие между элементарными положениями, которые не относятся к положениям своего типа, и положениями первого порядка, относящимися к элементарным положениям, а также и положениями второго порядка, относящимися к положениям первого порядка, и т. д. «Во всех этих противоречиях, — отмечает Рассел, имея в виду противоречия в различных парадоксах, — есть общая черта, которую мы можем описать как самоотнесенность (self-reference) или рефлексивность»*. Поэтому когда человек говорит: «Все положения, которые я утверждаю, являются ложными», то в силу упорядоченности употребления положений в теории типов противоречия не возникает. Это положение не относится к себе. Если кто-то говорит, что он лжец, то в соответствии с теорией типов у него всегда можно спросить: «А какого порядка лжец?» Если он ответит, что является лжецом первого порядка (или второго), то, значит, он делает, соответственно, совершенно истинное утверждение второго (или третьего) порядка.

* Ibid. P. 61.

В результатах метода логического анализа, являющихся следствием расселовской теории типов, аналитический характер логико-математического языка «Principia Mathematica» выражается в объективировании адекватных связей между «предметами мысли» и формами их логико-языковой (логико-символической) фиксации, которые при помощи обыденно-языковых средств не формулировались и поэтому не улавливались сознанием на уровне интуиции. Логически «прозрачный» язык «Principia Mathematica», указывающий через свою логико-символическую структуру или форму на структуру или форму связи объектов мысли, был, несомненно, одним из выдающихся результатов формализации математического знания.

«Заслуга логицизма, — отмечает Г. Рузавин, — как раз и состоит в том, что многие его представители осуществили строгий логический анализ основных понятий математики, выяснили взаимоотношения между ними и этим в значительной мере содействовали дальнейшим исследованиям в области основания математики и математической логики»*. Конечно, логико-математические идеи и аппарат математической логики, одним из выдающихся создателей которого был Рассел, сами по себе еще не решают и не могут решить всех проблем обоснования математики. Но весьма важным является учет реального вклада Рассела в решение сложных проблем науки как раз тогда, когда в ней происходили коренные революционные преобразования. Это необходимо для ясного понимания значения нового метода анализа человеческого знания, который усилиями ряда выдающихся логиков (Фреге, Рассел и др.) ставился на вооружение науки, а также и для четкого представления объективной ценности того нового логического языка — языка математической логики, — который является и орудием логического анализа, и тем средством, при помощи которого фиксируются результаты анализа.

Вместе с тем применение языка «Principia Mathematica» в философии логического атомизма, а также превращение метода логического анализа в логико-гносеологический анализ, представляет новую ситуацию.

Хотя Рассел и утверждал в 1924 г., что «Доктрина типов ведет <...> к более полному и радикальному атомизму, чем какая-либо другая, какую я принимал в качестве возможностей двадцать лет тому назад»**, связь между философией логического атомизма и методом логического анализа не является фатальной. «Атомарность» элементарных высказываний экстенциональной логики «Principia Mathematica» создает лишь предпосылку онтологизации логиче-

* Рузавин Г. И. О природе математического знания. М., 1968. С. 243.

** Russell B. Logic and Knowledge. London, 1956. P. 333.

ского языка «Principia Mathematica» в духе логического атомизма. У Рассела и Витгенштейна такая возможность стала действительностью. В частности, Рассел утверждал, что элементарным (атомарным) положениям соответствуют атомарные факты действительности. «Имеются, — отмечал он, — факты, относящиеся к индивидуальным вещам или индивидуальным качествам, или отношениям»*. Но в мире объективного, как и в мире знания, Рассел различает сложное (complex) и простое (simple).

Особенность атомарного факта состоит в его предельной «простоте». Признаки «простоты», элементарности атомарных фактов, по Расселу, следующие:

1. Атомарные факты являются условием истинности атомарных (элементарных) высказываний экстенциональной логики «Principia Mathematica».

2. Атомарные факты — это характеристики или отношения единичностей (particular). (В качестве примера, поясняющего природу атомарного факта, Рассел приводит выражение: «Это есть красное».)

Компоненты атомарных фактов (цветовые пятна, элементарные отношения) становятся доступными для человеческого знания только через непосредственное чувственное ознакомление.

В соответствии с этим в логически совершенном языке такие компоненты должны обозначаться логически собственными именами.

Не трудно видеть, что «привязка» аналитического языка и метода логического анализа «Principia Mathematica» к философской трактовке мира происходит как раз на уровне элементарных высказываний языка, и от того, как осуществляется эта «привязка», во многом зависит и картина мира и истолкование природы философии. Для логико-математической картины мира в ее расселовском варианте характерно утверждение, что в логической структуре экстенциональной логики находит отражение структура мира. Имея в виду оценку логического атомизма с точки зрения решения основного вопроса философии, следует остановиться на некоторых особенностях расселовских взглядов.

Когда речь заходила о природе тех компонентов мира, которые даны только через непосредственное чувственное ознакомление, то Рассел при всех его колебаниях был иногда близок к позиции Дж. С. Милля. Для объяснения того, что непосредственно воспринимается, Рассел оперирует тремя категориями: 1) «sensibilia» — то, что может чувственно восприниматься; 2) «sense-data» — чувственные данные, или «sensibilia», актуально воспринимаемые человеком; 3) «sensations» — ощущения. Суть вопроса в истолковании категории

* Ibid. P. 134.

sensibilia. Рассел пишет: «Мы не предполагаем [возможности] убедиться в том, как вещи ощущаются в местах, не окружающих непосредственно мозг, нервы, органы чувств, потому, что мы не можем покинуть тело. Но [идея] непрерывности деваает не неразумным предположение, что эти вещи представляют собой некоторое явление в таких местах. Любое такое явление было бы включенным в sensibilia»^{*}.

При всей нарочитости сужения проблемы (явном намеке на парадоксальную ситуацию, что лучшим средством убедиться в существовании вещей вне чувств, было бы... чувственное удостоверение!) Рассел все же допускает, что sensibilia может обладать внечувственной природой. Но, оказывается, это предположение не может быть доказано. Рассел практически встал перед дилеммой: или признание «чувственных данных» как не выводимого конечного эмпирически-чувственного фундамента знания, или признание sensibilia (того, что может пониматься в качестве теоретически выводимой внечувственной сущности). Как справедливо отмечает Ф. Коплстон, «парадокс можно было бы устранить посредством определения этих неоощущаемых чувственных данных sensibilia потенциальными чувственными данными»^{**}. Такое решение вопроса сближает Рассела с Миллем, ибо сказать, что материя — постоянная возможность ощущений, или: то, что может восприниматься, является потенциальными чувственными данными — значит утверждать нечто равнозначное.

Но Рассел в 1914 г. — в статье «Отношение чувственных данных к физике» и в работе «Наше познание внешнего мира» — при всех его колебаниях (в том числе близких и к позиции Милля) склоняется к более радикальному субъективизму. Рассматривая физические объекты в качестве логических конструкций из актуальных чувственных данных, он писал: «Я думаю, что может быть установлено вполне обобщенно, что поскольку физика или здравый смысл могут быть верифицированы, то должна быть возможность их интерпретации исключительно в терминах действительных чувственных данных»^{***}. При таком решении проблемы о природе исходного эмпирического знания просто нельзя избежать тупиков солипсизма, так как чувственные данные замыкаются в субъективном мире восприятий отдельного индивидуума. В этой связи можно вполне определенно констатировать, что эмпирические посылки логического атомизма Рассела в целом развивались в духе эмпиризма Беркли и Юма, а не материалистического эмпиризма Локка. Так же ясно, что превращение метода логического анализа «Principia Mathematica» в философский метод логического атомизма на деле привел к ложной

* *Russell B. Mysticism and Logic. Melbourne, Baltimore, 1953. P. 143.*

** *Copleston F. A History of Philosophy. Vol. VIII. London, 1966. P. 440.*

*** *Russell B. Our Knowledge of the External World. New York, 1960. P. 68.*

феноменалистической концепции, тесно примыкающей к махизму. Будучи философским, этот метод анализа был близок по своим результатам и к знаменитому принципу Венской школы — принципу чувственной верификации знания.

И все же при всей архаичности доктрины логического атомизма есть в ней и такие моменты, которые заслуживают уточнения со стороны философов-марксистов и по сравнению с которыми (моментами) современный лингвистический позитивизм явно проигрывает.

Прежде всего об уточнениях. Некоторые из противоречий, возникающих в настоящее время в трактовке как общефилософских, так и теоретико-познавательных проблем, мысленно возвращают нас к логическому атомизму Рассела и критике его лингвистическими позитивистами (в этой связи сошлемся на антиномию: противоречие логического и реального — конкретно-содержательного — как непосредственного и главного объекта философского исследования).

В статье «Логический атомизм» Рассел писал: «Я считаю, что логика является тем, что фундаментально в философии, и что школы должны характеризоваться скорее их логикой, чем их метафизикой»*, идея аккумуляции функций философии в логике, а точнее, в логическом анализе знания, выдвинутая Витгенштейном и Расселом, была затем окончательно гипертрофирована неопозитивистами Венской школы.

В логическом атомизме расселовского варианта логическое или логико-аналитическое истолкование функций философии еще не привело к провозглашению ликвидации философской проблемы реальности. Это нашло выражение, в частности, в том, что, в отличие от Витгенштейна («Логико-философский трактат»), Рассел считал возможными общие высказывания о мире.

Но и другая крайность — противопоставление реального (или объективного) логическому или формально-логическому как бессодержательному и не имеющему никакого прямого отношения к пониманию мира — не выражает истину. Примером такой крайности является третирование лингвистическими позитивистами современной формальной логики (в лице «позднего» Витгенштейна, Райла, Тулмина и др.) как чисто «технического» орудия манипуляций «искусственными» символами.

В связи с этим необходимо отметить, что Рассел в период логического атомизма выдвинул ряд важных общеметодологических положений о природе человеческого знания. Одним из них является тезис логико-языковой детерминации содержания человеческого знания, в том числе и философского знания.

* *Russell B. Logic and Knowledge. London, 1956. P. 323.*

«Влияние языка на философию, — подчеркивал он, — было глубоким и почти непризнанным. Если мы не введены в заблуждение этим явлением, то необходимо, чтобы оно было осознано, а также необходимо осмотрительно спрашивать себя: *в какой мере оно является законным?*»* (курсив мой. — Г. З.). Для Рассела вопрос о мере законности влияния языка на философию — это частный вопрос о взаимоотношении и взаимообусловленности между логико-языковыми и внеязыковыми факторами детерминации знания. Безусловно, прав М. В. Попович, когда отмечал: «Признание, что мысль воплощается в языке, само по себе не решает вопроса. Некоторые исследователи, признающие этот факт, на деле исходят из того, что мысль существует сама по себе и лишь внешне соотносится с языком, “воплощаясь” в него таинственным образом»**.

Заслуга Рассела состояла не только в том, что он поставил вопрос об особенностях корреляции языка и логики в обыденном и научном знании, но и подчеркнул необходимость исследования влияния логико-языкового аспекта знаний на выражение определенной онтологической картины мира. Именно в этом смысл его разъяснения о важности «предварительного обсуждения логики и языка и их отношения к тому, что они стараются представлять»***. Вот почему для Рассела был естественным вывод, что различие языков может означать категориальные различия, и использование логического языка с субъектными и предикатными знаками представляет возможность выражать структурно-онтологическое членение мира на субстанцию и атрибуты. Американский логик Г. Кюнг отмечает, что «в этом вопросе имели место значительные изменения: в то время как в традиционной силлогистике термин мог быть и в положении субъекта, и в положении предиката, современная логика обычно обуславливает: точно ли будет выражение индивидуальным именем, предикатным выражением или выражением отношения в зависимости от того, должен ли индивид, свойство или отношение соответствовать ему [выражению]»****.

И когда Рассел настаивает на необходимости осознать качественно своеобразную специфику языка новой математической логики, то для него это не самоцель, а лишь способ подчеркнуть возможности новых категориальных различий, которые могут быть выражены средствами этого языка.

* Ibid. P. 330.

** Попович М. В. О философском анализе языка науки. Киев, 1966. С. 36.

*** Russell B. *Logic and Knowledge*. London, 1956. P. 330.

**** K ng G. *Ontology and the Logistic Analysis of the Language*. Dordrech, 1963. P. 28.

Идеи плюралистической онтологии (мир как совокупность атомарных фактов) и фундаментальной роли отношений в картине мира были у Рассела одним из конкретных следствий попытки реализовать указанный подход к оценке языка и его роли в познании мира. Конечно, выявление эвристических возможностей логико-языкового арсенала человеческого мышления не то же самое, что и одна из конкретных попыток реализации замысла (в данном случае реализация логико-атомистическая). Но именно потому, что в философии логического атомизма Рассела переплелись противоречащие друг другу стороны (оправдавший себя в научной практике метод логического анализа, берклианско-юмистское решение вопроса о чувственной природе мира и др.), в нее и проникает объективный момент. На эту сторону философии Рассела обращает внимание Нарский: «Для Рассела, как и для Маха, характерны колебания между идеалистическими и материалистическими положениями»^{*}.

Метафизические (в смысле «антидиалектические») слабости философии логического атомизма особенно наглядно проявились в идее редукционизма. В соответствии с процедурой «Principia Mathematica» (где рациональные числа истолковываются как логические конструкции из натуральных чисел, а иррациональные — соответственно из рациональных) и, согласно логическому атомизму, редукции (сведению) к атомарным фактам в принципе должно быть подвергнуто все многообразие явлений окружающей действительности. Есть в этой идее и сильная и слабая стороны. Предлагая модель идеального, или совершенного логического языка, Рассел подчеркивает необходимость логически строгой и однозначной фиксации связей любых объективных или мысленных структур с характерными для них подструктурами и элементами. Но вместе с тем логические средства этой фиксации у Рассела ограничены, а некоторые существенные моменты философской интерпретации ее целей вызывают законное недоумение у представителей самых различных философских направлений.

Дело в том, что с идеей «редуктивного анализа» связано не только представление о том, что вся тотальность не атомарных фактов является областью «логических конструкторов», но и допущение, что «логические конструкторы» — это логические фикции. При этом он руководствуется принципом: везде, где возможно, ставить конструкции из известных объектов вместо выводов неизвестных. Например, имеется не эмпирическая сущность. Конкретные пути и истоки ее мысленного получения нам неизвестны, и тогда она является выведенной сущностью *X*. Если обнаружим, что *X* может быть определен

^{*} Нарский И. С. Философия Бертрана Рассела. М., 1962. С. 21.

в терминах ряда эмпирических сущностей a , b , c и d , то X будет логической конструкцией из a , b , c и d . В таком случае редуктивный анализ, будучи примененным к X , имеет вполне определенный лингвистический аспект. Подразумевается, что положение, в котором упоминается X , может быть переведено в ряд положений, где упоминаются a , b , c и d , но не X .

Одним из условий перевода является требование, чтобы при истинности (или ложности) первого положения был истинным (или ложным) ряд переведенных положений.

Онтологический аспект редуктивного анализа выглядит следующим образом. Если X может быть истолкован как логическая конструкция из a , b , c и d , то нет необходимости допускать отрицание существования X как неэмпирической сущности, отличающейся и как бы стоящей над a , b , c и d , а также постулировать ее существование <...>

Язык логики «Principia Mathematica» с этой точки зрения является одним из эффективных, точных средств фиксации определенных (но не всех!) зависимостей более сложных познавательных образований — сложных высказываний — от относительных «начал» — элементарных высказываний. В этом отношении возможности экстенциональной логики представляли и представляют интерес не только для математики и других областей знания, но и для философии. Та же конкретная форма философской интерпретации языка логики «Principia Mathematica», которая нашла выражение в логическом атомизме Рассела, не может быть принята, поскольку, наряду с другими причинами, для нее характерна тенденция подводить под элементарные высказывания содержание неких абсолютных эмпирических «начал» знания, а также стремление универсализировать экстенциональную логику как средство точной фиксации не только отношений мыслей, но и отношений вещей в мире <...>

Какая бы теоретико-познавательная доктрина (расселовская «логических конструкций» или иная, которую хотят развивать с позиций материализма) не пыталась опереться на некие чисто чувственные формы знания, она тем самым лишает себя адекватности реальному процессу познания. Вместе с тем нельзя пройти мимо той стороны расселовской теории редуктивного анализа и логических конструкций, которая связана с замыслом проникнуть в логический механизм построения теоретического знания. Как ни ограничены логические средства и гносеологические установки Рассела, он был одним из первых в создании логико-конструктивной модели теоретического знания.

Полная оценка логического атомизма Рассела невозможна без его сопоставления с одноименной теорией Витгенштейна. А это

непосредственно подводит к тому рубежу, когда эстафета «аналитической философии» была передана логическим атомизмом неопозитивизму Венской школы. Некоторые дополнительные характеристики логического атомизма Рассела будут даны в следующем параграфе. Здесь же необходимо подчеркнуть, что относительно подробный анализ логического атомизма Рассела преследовал цель обратить внимание не только на его идеалистические пристрастия, но и на постоянное стремление связывать философию с проблемами научного познания.

Современные лингвистические позитивисты, в большинстве своем чуждые или весьма равнодушные к идее союза философии и научного знания, пытаются представить теоретические неудачи Рассела как плод «онаучивания» (сциентизма) философской проблематики. Между тем в философском наследии Рассела имеется не только то, что неизбежно должно было кануть в Лету, но и постановка важных логико-философских и философских проблем и первые шаги в их разработке. Поэтому Рассел — это не только логический атомизм, но и постоянный антипод лингвистическому позитивизму философии, имеющей тенденцию разрывать связи с научным знанием.

